

Цзян Мэнлинь улыбнулся:

— У тебя же есть другие измерения, разве нет?

Сюй Сянь был недоволен:

— Ты думаешь, так легко найти реальное измерение?

Цзян Мэнлинь почесал нос и сказал:

— Ладно, если ты мне доверяешь, я могу сначала прислать тебе лекарства, а остальное подумаю позже.

Сюй Сянь посмотрел на него с недовольством, но, возможно, из-за ностальгии по родной планете, не проявил явного недоверия. Он просто кивнул и сказал:

— Возьми это. В ближайшие дни, если найдёшь лекарства от ран или простуды, пришли мне. У меня дела, не буду долго говорить.

Поезд прибыл на станцию, и Цзян Мэнлинь внезапно открыл глаза. В его взгляде была радость, смешанная с острой решимостью.

Он не стал ничего объяснять, так как уже решил, что мать должна пострадать. С одной стороны, это было связано с его обидой на неё из прошлой жизни, а с другой — это было результатом долгих размышлений.

Ли Юэлин была по натуре мягкой и слабохарактерной. Такой характер, с одной стороны, можно назвать добротой, а с другой — наивностью! Её разрыв с Цзян Фанчжоу отчасти был связан с её желанием помогать своей семье.

Цзян Мэнлинь хорошо помнил, как в прошлой жизни, после того как Цзян Фанчжоу открыто изменил, Ли Юэлин, рыдая, всё же отправила все свои сбережения тёте, чтобы та могла купить дом для своего годовалого сына.

Как смешно! Ли Юэлин была человеком, который ставил внешний вид выше всего. Можно сказать, что она была тщеславной или глупой, но она была готова жить впроголодь, лишь бы выглядеть хорошо со стороны.

Семья Ли Юэлин была одной из самых зажиточных в городе, и Ли Юэлин внесла в это немало вклада. К сожалению, никто в семье Ли не ценил её. Бабушка Ли даже в прошлой жизни, когда Цзян Мэнлинь приехал на Новый год, при нём сидела на пороге и говорила подруге:

— Вся эта одежда — подарки от невестки! Её мать — это просто пустая трата, после замужества она забыла о нас и ни разу не навестила!

Под «ним», конечно, подразумевался Цзян Мэнлинь.

Эти старики были просто созданы друг для друга!

Ранним утром, когда семья Ли открыла двери, дочь уже была на пороге. Очевидно, они уже знали о разводе Ли Юэлин. Дедушка, сидя у входа, даже не взглянул на свою дочь, которая выглядела уставшей и измученной после долгого пути, и продолжал играть с внуком.

На руках у него был старший сын старшего брата, которому был всего год. Он был пухленьким,

белым и умным, и сейчас он бормотал «папа».

Старики Ли обожали этого внука, и даже если кто-то говорил о нём что-то плохое, они поднимали шум.

Ли Юэлин, похоже, не ожидала, что отец будет так холоден. Её обида, уже готовая вырваться, снова ушла внутрь, и она, сдерживая слёзы, сказала:

— Папа...

Дедушка бросил на неё взгляд и фыркнул.

Бабушка Ли вышла из дома с корзиной апельсинов и, увидев дочь, сначала удивилась, затем вернулась внутрь и вышла с пустыми руками, с плохим настроением:

— Ты что вернулась?

Ли Юэлин не смогла сдержать слёз и тихо сказала:

— Мама...

Бабушка Ли нахмурилась:

— Чего плачешь? Ты же сама натворила, а теперь стыдно? Я тебе скажу, жена второго сына только что родила, не вздумай портить им настроение! А то люди подумают, что у нас в доме траур!

Ли Юэлин замерла:

— Мама?

Тут вышла жена третьего брата, в пёстрой майке, с веером в руке. Увидев Ли Юэлин, она удивилась:

— О! Сестра? Ты что вернулась?

— Иди, иди, стирай бельё, — грубо сказала Бабушка Ли. — Пелёнки поменяла?

Жена третьего брата была избалованной и сразу же надулась:

— Это же дело второй невестки!

Она повернулась к Ли Юэлин, которая часто помогала семье, и была к ней расположена:

— Сестра, заходи в дом, там прохладно, есть вентилятор. Вторая невестка месяц назад родила девочку, я тебе покажу!

Бабушка Ли не хотела пускать дочь в дом, ведь разведённая женщина — это плохая примета. Но невестка уже пригласила, и при соседях она не могла отказать, поэтому она сердито посмотрела на невестку и ушла.

Ли Юэлин, увидев такое отношение матери, почувствовала, как её надежды на исцеление дома рухнули. Она всегда помогала семье, зная, что родители предпочитают сыновей, но она не ожидала, что в трудный момент её встретят так холодно. С момента, как она вошла в дом с

сыном, старики даже не поинтересовались внуком!

Она молча последовала за невесткой в дом, выпила чашку холодного чая, и Бабушка Ли вошла с корзиной. Она сердито посмотрела на дочь, села напротив и сразу же спросила:

— Ты развелась, зять дал денег?

Цзян Мэнлинь услышал это и внутренне фыркнул. Он не стал ничего говорить, но Ли Юэлин должна была понять, какую семью она так поддерживала.

Ли Юэлин тупо кивнула:

— Мы разделили имущество, он дал мне тридцать тысяч.

Она не упомянула о доме. После всех событий Ли Юэлин, хоть и оставалась доверчивой, начала чувствовать недобрые намерения матери.

Бабушка Ли с облегчением кивнула:

— Цзяны ещё не совсем потеряли совесть.

Она сразу же перешла к делу, протянув руки к Ли Юэлин:

— Это как раз кстати. Ты уже видела ребёнка старшего брата, а его жена теперь героиня, родила старшего внука Ли. Мы с отцом решили купить дом для Сяо Бао, чтобы он мог жениться. Как раз не хватает двадцати тысяч, тридцать тысяч — в самый раз, а оставшиеся десять тысяч пойдут на ремонт.

Ли Юэлин была поражена таким бесстыдством:

— Мама? У меня и Сяо Линя всего тридцать тысяч. Если всё отдать брату, на что мы будем жить?

Бабушка Ли взорвалась, ударив по столу:

— Убыточный груз! Убыточный груз! Я тебя вырастила, а ты мне ещё и условия ставишь? Бесстыдница! Ты опозорила всех наших предков! Если тебе негде жить, зачем ты развелась? Теперь зять обидится на Ли, и кто будет давать деньги на дом, если третий сын родит ребёнка?

Ли Юэлин была как громом поражена, застыв на месте, и её кровь похолодела.

Убыточный груз... Убыточный груз... Эти слова, как заклинание, звучали в её ушах с детства, но она никогда не хотела верить, что родители действительно не испытывают к ней никаких чувств.

Бабушка Ли продолжала:

— Цзян Мэнлинь — это Цзяны, зачем ты его тащишь? Ты растишь чужого сына...

Ли Юэлин не выдержала и зарыдала:

— Мама! Ты совсем без сердца?! Он мой родной сын! Родной!

Бабушка Ли широко раскрыла глаза, не ожидая, что дочь осмелится возражать, и разозлилась:

— Чёртова убыточная дочь! Я бы тебя при рождении задушила! Ты больше не ступай на порог Ли! Наши предки не признают такого внука без отца!

Цзян Мэнлинь подтолкнул рыдающую мать к стулу, и в его глазах мелькнуло отвращение. Что касается материнской любви, то после того, как Ли Юэлин в прошлой жизни била его в пьяном виде, он начал терять надежду. Ли Юэлин была типичным человеком, который на людях мягок, а дома — как тигр. Перед сильными людьми она могла только плакать и убегать. По пути домой Цзян Мэнлинь ясно видел её сомнения и колебания по поводу того, стоит ли воспитывать своего сына.

<http://bllate.org/book/16657/1526513>